

Новое о Пушкине

ДЕЛО О «ВОЗМУТИТЕЛЬНЫХ СТИХАХ»

29 октября 1827 года в Новгородском уездном суде слушалось уголовное дело. Кандидат наук переводчик А. Ф. Леопольдов обвинялся в том, что имел у себя «возмутительные стихи сочинителя А. Пушкина» и учинил на них надпись, что они на «14 декабря 1825 года»...

Этому предшествовали следующие события.

В августе 1826 года чиновник Коноплев явился к своему начальнику генерал-полициймейстеру Скобелеву и доложил, что Леопольдов заинтересовал его стихами преступного характера. Генерал Скобелев («известный» своими доносами на А. С. Пушкина) распорядился немедленно учинить обыск. У Леопольдова нашли отрывок из пушкинской элегии «Андрей Шенье» с надписью, что стихи сочинены «на 14 декабря 1825 года».

Элегия «Андрей Шенье» была помещена в первом собрании стихотворений А. С. Пушкина, изданном в 1826 году, но царская цензура исключила из нее более сорока стихов. Все «исключенные» ходили по рукам в списках. Отрывок, найденный у Леопольдова, тоже распространялся в списках и воспринимался современниками как смелый отклик на

события 14 декабря — восстание декабристов против царизма.

В ходе следствия Леопольдов оказался лишь звеном в цепи, состоящей из нескольких лиц, среди них — штабс-капитан конно-егерского полка А. И. Алексеев, который передал отрывок прапорщику Молчанову. Последний, передавая стихи Леопольдову, сказал, что они написаны на 14 декабря, а тот, недолго думая, взял да и поставил это в заглавие отрывка. На беду отрывок от Леопольдова попал к агенту III отделения Коноплеву...

13 января 1827 года комиссия военного суда при конно-егерском полку потребовала вызова Пушкина к московскому обер-полициймейстеру Шульгину как прикосновенного к делу о распространении рукописных отрывков из стихотворения «Андрей Шенье». Пушкин в то время находился в Москве, куда он прибыл из Михайловского в сопровождении фельдгегеря по вызову царя.

Александр Сергеевич дважды побывал у Шульгина, давая показания о стихах, запрещенных цензурой еще до событий 1825 года. Поэт объяснил, что «стихи написаны

им и составляют не пропущенный цензурой отрывок из элегии «Андрей Шенье», написанный им на французскую революцию, что этого отрывка он никому не давал и удивляется, как он попал в чужие руки».

Военный суд признал штабс-капитана Алексеева и прапорщика Молчанова виновными в том, что они держали у себя тайно и передавали в другие руки «вредные для умов» стихи. Оба были приговорены к заключению в крепости на один месяц, а затем понижены по службе — выписаны из гвардии в армейские полки. Относительно Пушкина в определении суда было сказано: «в деле не имеется обстоятельств, вполне уличающих его в преступлении, но равно нет и оправдывающих». Поэтому уголовному суду вменялось в обязанность потребовать от автора всестороннего объяснения и предать «сочинителя» судимости по законам о гражданских лицах.

Дело из военного попало в гражданское ведомство. Указом сената оно было передано Новгородскому губернскому правлению.

Леопольдов находился в Петербурге, когда 24 декабря 1826 года за ним явился

фельдгегерь и увез его с собой. 28 декабря кандидат наук был доставлен в Новгород и помещен в тюрьму. «Меня арестовали, — показывал потом на суде Леопольдов, — и так скорострительно отправили в Новгород, что я не успел захватить вещей». Здесь, в Новгороде, в уездном суде, и началось его дело.

Суд также получил объяснения от Пушкина. Показания поэта по смыслу были тождественны тому, что он отвечал в Москве Шульгину, но отличались видимой резкостью.

«Коллежский секретарь» Пушкин показал: «означенные стихи действительно сочинены им; что они были написаны гораздо прежде последних мятежей, и элегия «Андрей Шенье» напечатана с пропусками, с дозволения цензуры 8 октября 1825 года, а цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужна, затеряна, как и прочие рукописи напечатанных им сочинений; что оные стихи явно относятся к французской революции, в коей Шенье погиб; что они никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря; что не знает он, Пушкин, кто над ними поставил ошибочное заглавие, и не помнит, кому он мог передать

элегия «Шенье»; что в сем отрывке поэт говорит о взятии Бастилии, о перенесении тел славных изгнанников в Пантеон, о победе революционных идей, о торжественном провозглашении равенства, об уничтожении царей».

Свои показания Пушкин не без раздражения закончил восклицанием: «но что же тут общего с несчастным бунтом 14 декабря, уничтоженным тремя выстрелами картечью и взятием под стражу всех заговорщиков?»

На вопрос Новгородского уездного суда, каким образом отрывок из «Андрея Шенье», не быв пропущен цензурой, стал переходить из рук в руки, Пушкин отвечал, что это стихотворение его было всем известно еще до напечатания, потому что он не думал делать из него тайны.

Десять месяцев понадобилось уездному суду, прежде чем он смог 29 октября 1827 года начать рассмотрение дела.

Сначала было прочитано дело военного суда о гвардейских офицерах, затем следовал ряд письменных показаний, в том числе и А. С. Пушкина. Суд постановил: Леопольдова «лишить чина 10-го класса и личного дворянства,

образованием присвоенного, заклепать в кандалы и сослать в каторжные работы». Относительно не присутствовавшего на заседании Пушкина суд решил: «предоставить исследованию и рассмотрению местного начальства, где он служит или проживает». По эту ставилось на вид за непредоставление суду доказательств того, что стихи «Андрей Шенье» были сочинены им и пропущены цензурой ранее декабрьских событий. За утерю рукописи Александра Сергеевича обвинили в небрежном хранении непропущенного цензурой сочинения, которое «могло бы произвести вредное влияние на умы, склонные к вольномыслию».

По тогдашнему порядку, решенные дела уездные суды отсылали для ревизии в уголовные палаты своей губернии. Из архивов Новгородской палаты видно, что дело было начато под заголовком «Из Новгородского уездного суда о кандидате словесных наук Московского университета, состоящем в 10-м классе Андрее Филипповиче Леопольдове, сужденном за имение у себя возмутительных стихов сочинения А. Пушкина, и учинение на них подписи, что они на 14 декабря 1825 года. Началось 2 ноября 1827 года, кончилось 6 марта 1828 года, на 109 листах».

Затем дело это пошло в сенат, который в своем решении от 27 августа 1828 года отметил: «Хотя сочинявшего означенные стихи Пушкина, за выпуск оных в публику прежде дозволения цензуры, надлежало бы подвергнуть ответу перед судом, но так

как преступление его совершенно до амнистии, в силу манифеста 26 августа 1826 года, избавя его, Пушкина, от суда и следствия, обязать подпиской, дабы никаких своих творений без рассмотрения и пропуска цензуры не осмелился выпускать в публику под опасением строгого по закону взыскания».

Государственный совет согласился с этим решением, но с тем, чтобы иметь за поэтом, в месте его жительства, секретный надзор. Решение это в августе 1828 года было утверждено царем.

В связи с тем, что Пушкин находился в разъездах, это решение долго оставалось ему не объявленным. Оно ходило за ним по разным губерниям, пока, наконец, не достигло его в Москве... накануне свадьбы.

Пушкин женился 1 февраля 1831 года, а за два дня до этого — 27 января 1831 года — московской полиции, наконец-то, удалось сообщить ему решение сената.

А что стало с Леопольдовым?

Губернская уголовная палата не согласилась с решением уголовного суда, Леопольдову назначили тюремное заключение и сверх того «чувствительный арест» на 9 месяцев в крепости. Сенат утвердил это решение, но государственный совет постановил освободить Леопольдова от наказания с тем, однако, чтобы начальство учреждения, где он будет служить, обратило особое внимание на его поведение.

Любопытно, что, проживая по окончании дела в Новгороде, Леопольдов пожелал поступить на службу именно

в то ведомство, которое не так давно приговорило его к заключению в крепости. В прошении, поданном 5 октября 1828 года, он просит о зачислении в штат Новгородской палаты уголовного суда. И был принят — с жалованием 40 рублей в месяц. Но в ноябре 1828 года, прослужив несколько месяцев, вдруг скрылся из Новгорода. И только в 1834 году объявился в Саратове...

Дело «о возмутительных стихах» интересно еще и тем, что позволяет установить факты пребывания великого поэта в Новгороде. Полиция выяснила, например, что он бывал в Новгороде и останавливается в доме купца Березина (постоялом дворе, впоследствии гостиницы) и выехал по направлению к Москве.

И вот еще совпадение: именно в доме Березина по окончании судебного дела в 1828 году проживал А. Ф. Леопольдов. Таким образом, Пушкин останавливался в Новгороде, если не у самого Леопольдова, то в одном с ним здании. Есть предположение, что между Пушкиным и Леопольдовым существовали какие-то отношения, хотя о них нигде и никакие документы не свидетельствуют.

Эти полузабытые факты, представляющие, видимо, интерес для новгородских читателей, почерпнуты мною в основном из номеров журнала «Русская старина» за 1871—1912 годы.

Б. ШАТУНОВ.

Ленинград.

«ОНИ УЧИЛИСЬ С ПУШКИНЫМ»

Среди книг

Так озаглавлена книга М. Руденской и С. Руденской, выпущенная в этом году Лениздатом. Она посвящена юности великого поэта, его учебе в Царскосельском лицее, товарищам, с которыми он вступал в жизнь.

Книга состоит из двадцати восьми очерков-биографий, освещающих жизненный путь друзей и соучеников А. С. Пушкина. Первый выпуск лицея называют пушкинским. Он замечателен обилием имен, с которыми связаны славные страницы истории русского освободительного движения, русской культуры и науки. И. И. Пущин, В. К. Кюхельбекер, В. Д. Вольховский были в числе руководителей восстания декабристов. А. А. Дельвиг был известным в свое время литератором, некоторые песни и романсы композитора М. Л. Яковлева звучат и по сие время. С уважением мы вспоминаем мореплавателя и землепроходца Ф. Ф. Матюшкина. Это ему посвятил Пуш-

кин ставшие крылатыми строки: «В морях твоя дорога». Богатой событиями и долгой (он пережил всех своих лицейских товарищей) была жизнь известного дипломата А. М. Горчакова. Авторы очерков подчеркивают, что учебное заведение, предназначенное для подготовки высокообразованных защитников монархии, стало «рассадником свободомыслия» не случайно. Причиной тому явились прогрессивные тенденции начала XIX века, а также патриотический подъем, связанный с освободительной эпопеей 1812 года. Семилетние юноши, окончившие лицей, стали людьми со сложившимися убеждениями, каждый из них занял свое место в жизни. Не все из них оставили заметный след, способности некоторых не успели развернуться в полной силе, но все они до конца дней остались верны лицейскому братству.

Среди соучеников А. С. Пушкина был и Александр

Тырков. Семья его жила в Новгородской губернии (усадьба располагалась неподалеку от имения Г. Р. Державина). Вероятно, именно этим и объясняется знакомство Тырковых с патриархом российской поэзии, по протекции которого юноша поступил в лицей. Простосердечный, добрый, кроткий, он чувствовал себя скованным среди сверстников, многие из которых были детьми блестящих царедворцев. Учился он старательно и прилежно. Из лицея Александр Тырков был выпущен прапорщиком в Северно-конноегерский полк, а в 1822 году вышел в отставку. Последние годы он жил у своего брата Алексея Дмитриевича — новгородского уездного предводителя дворянства, в селе Вергежа на реке Волхов (ныне Селищенский сельсовет Чудовского района). Здесь он и умер в 1843 году.

Следует заметить, что почти все из рода Тырковых были прогрессивно настроен-

ными людьми, поборниками просвещения русского народа. Так, Владимир — племянник лицеиста Тыркова — деятельный член общества попечения о бедных и больных детях и общества попечения слепых. При его энергичном содействии в Новгородской губернии открыли несколько школ, причем одну из них — в родовом имении, подаренном им для школы. Он также учредил Чудовское сельскохозяйственное общество. Младший в роду дворян Тырковых Аркадий стал народовольцем, именно его В. И. Ленин назвал одним из «последних могикиан» героической группы народовольцев.

Книга хорошо иллюстрирована рисунками Пушкина и его лицейских товарищей. Причем некоторые публикуются впервые. Читается она с интересом.

П. СУКНОВ.

* Их именами названы...

На Торговой стороне Новгорода, соединяя улицу Красилова с Первомайским переулком, расположена Пушкинская улица. Она проходит параллельно древней Большой Рогатице — нынешней улице Большевигов. На Большой Рогатице в прошлом веке стоял «станционный дом», где пассажиры, едущие по тракту Петербург — Москва, меняли лошадей и могли остановиться на ночлег.

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837 гг.) много раз останавливался в «станци-

онном доме». В ранней редакции романа «Евгений Онегин», в главе «Путешествие Онегина», поэт так рисует прошлое города:

Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великой.
Смирились площади —

среди них
Мятежный колокол утих,
Не бродят тени великанов:
Завоеватель скандинав,
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоаннов,
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.

История древнего города

привлекала внимание поэта. В 1821—1822 годах, находясь в Молдавии, Пушкин близко сошелся с руководителем восстания декабристов Владимиром Раевским. Под впечатлением бесед с ним он принимается за создание героической трагедии о предводителе новгородских славян. Рассказ об их восстании против княжеской власти как бы предвосхищает восстание на Сенатской площади в Петербурге 25 декабря 1825 года. Пушкин понимал, что царская цензура не пропустит пьесу, и потому он переключается на написание

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ РОССИИ

поэмы «Вадим», от которой остался лишь отрывок.

Прошрое величие Новгорода никак не сочеталось с запустением, которое Пушкин наблюдал здесь. В городе жило не более 5 тысяч жителей, главная дорога России была очень разбита. Картина, которую рисует поэт в «Вадиме», взята с натуры губернского города.

Пушкин интересовался положением крепостных крестьян Новгородской губернии, и особенно аракчеевскими военными поселениями. Крепостной деспотизм вызывал в нем гнев

и возмущение. Он написал ряд злых, обличительных эпиграмм на временщика России новгородского помещика Аракчеева («Всей России притеснитель...») и на мракобеса архимандрита Юрьева монастыря Фотия («Полуфанатик, полуплут...»).

В дневниковых записях за 1831 год, касаясь подробностей восстания в Новгородской губернии и приезда в Старую Руссу царя Николая I, Пушкин замечает: «царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом». В заметках «О народной драме и о «Марфе Посаднице» М. П. Погодина» поэт положительно оценил «развитие важного исторического происхождения:

падения Новгорода, решившего вопрос о единодержавии России», но в то же время сделал ряд критических замечаний относительно монархических тенденций автора.

Тихая, с одноэтажными домиками Пушкинская улица, украшенная садами и палисадниками, чем-то напоминает старый Новгород. Так и кажется, что совсем недавно прогрохотала здесь почтовая тройка, которая умчала в белокаменную Москву первого поэта России.

Имя поэта носят также улицы в Малой Вишере, Боровичах, Старой Руссе.

И. ЗАЙЦЕВ.

Из прошлого

ПУШКИН
ПОД НОВГОРОДОМ

В 1910 году в малораспространенном московском «Шукинском сборнике» было опубликовано письмо некоего Филимонова к сестре Варваре Ивановне в Ярославскую губернию. Вот оно: «15 сентября 1825 года. Бивуаки. Ты пишешь еще, что Пушкин тебя очень занимает, то я скажу на это, что я не только что знаю наизусть все сочинения его, но даже познакомился с ним самим прошлого года, когда он проезжал через Бронницы в Петербург; он знаком с нашим Дороховым и пробыл у нас целый день и доказал, что он также мил в обществе, как нравится по стихам своим...».

Письмо Филимонова не привлекло внимания историков литературы и по этой причине не нашло отражения в биографии А. С. Пушкина. Оставался неизвестным автор письма, да и содержащиеся в письме сведения о поездке Пушкина «через Бронницы в Петербург» кажутся на первый взгляд не заслуживающими доверия, поскольку ни в одном из других источников такая поездка не зарегистрирована. От села Михайловского до Бронниц (в современном написании — Бронница: село в Новгородском районе) около 400 верст по тогдашним дорогам, и трудно допустить, чтобы опальный поэт, находившийся под полицейским и духовным надзором, мог решиться на такую рискованную поездку.

Наши разыскания, однако, убеждают в достоверности приведенных Филимоновым фактов — несмотря на их необычность и неожиданность...

Из «Списка генералам, штаб и обер-офицерам всей Российской империи» (издан в 1828 году), узнаем, что в интересующее нас время в Бронницах под Новгородом был расквартирован Гренадерский наследного принца прусского полка. А в некрологе, опубликованном в «Ярославских губернских ведомостях» в 1870 году, мы прочли о смерти Николая Ивановича Филимонова, служившего в этом полку прапорщиком и поручиком с 1819 по 1830 годы.

В том же полку служил рядовым Руфим Иванович Дорохов. «За буйство и ношение партикулярной одежды», он был в декабре 1820 года разжалован из прапорщиков Учебно-карабинерного полка в рядовые до выслуги в Гренадерский наследного принца прусского полка, из которого 22 августа 1824 года переведен в 3-й батальон Тарутинского пехотного полка.

Нами установлено, что автор письма Н. И. Филимонов после службы стал драматургом. Р. И. Дорохов — сын одного из героев

Отечественной войны 1812 года генерала И. С. Дорохова, что «прославился» своим буйным нравом и несдержанным характером и послужил прототипом Долохова в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого.

Подтверждается и свидетельство Филимонова о знакомстве Р. И. Дорохова с Пушкиным. В 1819—1820 годах они встречались в Петербурге и даже состояли в переписке (не сохранилась).

Напомним теперь некоторые обстоятельства жизни поэта.

В конце июля 1824 года последовало «высочайшее повеление» Александра I исключить А. С. Пушкина из списка чиновников коллегии иностранных дел и направить его на жительство в имение матери — село Михайловское Псковской губернии. Ближайшим поводом к этому послужило перлюстрированное полицией письмо поэта к одному из друзей, в котором он непочтительно отозвался о религии.

Сам Пушкин и его ближайшие друзья были возмущены жестоким приговором царя. «Кто творец этого бесчеловечного убийства, — негодовал П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу, или не убийство заточить пылкого, кипучего юношу в деревне... Должно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки».

Жизнь Пушкина в Михайловском из-за ссоры с отцом стала невыносимой. Напуганный новой ссылкой сына, Сергей Львович «беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь». Посыпались упреки в дурном влиянии Александра Сергеевича на сестру и брата. И без того натянутые отношения переросли в открытую вражду, когда отец поэта взял на себя официальный надзор над поведением сына и его перепиской.

Сложившаяся обстановка достоверно описана П. А. Осиповой в письме к В. А. Жуковскому от 22 ноября 1824 года: «Я живу в двух верстах от с. Михайловского, где теперь Александр Пушкин, и он бывает у меня всякий день. Желательно бы было, чтобы ссылка его скоро кончилась... Если Александр должен будет оставаться здесь долго, то прощай для нас русских его талант, его поэтический гений, и обвинить его не можно будет. Наш Псков хуже Сибири, а здесь пылкой голове не усидеть. Он теперь так занят своим положением, что без дальнего размышления из огня вскочит в пламя...».

В другом письме Осиповой к Жуковскому есть такая фраза: «Увлеченный сильным воображением, часто к несчастью своему и всех тех, кои берут в нем участие, действует прежде, а обдумывает после».

В первой половине ноября 1824 года Пушкин в письме просил брата поговорить с Жуковским и Карамзиным о содействии в освобождении его из ссылки. Друзья поэта не проявили должной активности, и Пушкин, разочарованный в них («О господи, освободи меня от моих друзей»), в минуты душевного напряжения мог решиться выехать в столицу для личной встречи с ними, может быть, с самим царем. Зимние месяцы 1824 были подходящим для этого моментом. Возможно, что «Воображаемый разговор с Александром I», написанный в то время, был «подготовлен» к поездке.

Так мы понимаем свидетельство Н. И. Филимонова о предпринятой Пушкиным поездке в Петербург. Обращают на себя внимание слова в письме Филимонова: «когда он проезжал через Бронницы в Петербург» (подчеркнуто мною. — Л. Ч.). Из этого следует, что из Бронниц поэт собирался продолжить свой путь в тогдашнюю российскую столицу.

Чем закончилось это рискованное путешествие? Вероятно, здравый смысл подсказал Пушкину бесперспективность и небезопасность такой поездки.

Достоин внимания маршрут, избранный поэтом. Возможно, в целях конспирации он поехал в Петербург не через Остров, Псков и Лугу, а по более дальнему пути: Опочка — Новоржев — Порхово — село Боровичи Псковской губернии — Новгород.

Бронницы — в стороне от тракта Новгород — Чудово — Петербург (в 35 верстах к востоку от Новгорода) и Пушкин мог продолжать свой путь из этого села в столицу, возвратившись в Новгород или минуя его — по объездной дороге Бронницы — Подберезье, которая, согласно «Почтовому дорожнику» 1824 года, была короче почтовой на 19 верст.

Ничего невероятного в несостоявшейся поездке ссыльного поэта в Петербург нет. Ведь решил же Александр Сергеевич через год, в тревожные декабрьские дни 1825 года, на такую же поездку. Она также не состоялась...

Л. ЧЕРЕЙСКИЙ,
литературовед.

К 150-летию со дня смерти А. С. Пушкина

ДНИ ПАМЯТИ

Мы вступили в пределы Года Пушкина, 150 лет назад 29 января (10 февраля по новому стилю) в 2 часа 45 минут пополудни скончался Александр Сергеевич Пушкин, смертельно раненный, расстрелянный с одиннадцати шагов на дуэли, случившейся 27 января в окрестностях Петербурга, за Черной речкой, около половины пятого пополудни...

Дуэль и смерть этого величайшего творца — вечная, незаживающая рана России. На сравнительно недавней большой художественной выставке в Москве ленинградский живописец Евсей Моисеенко обнародовал новое свое полотно: старый слуга Пушкина — Никита Козлов — вносит на руках едва живого поэта в его квартиру в Петербурге. Композиционным, цветным решением, всем строем пластической содержательности и определенно угадываемым изначальным авторским замыслом пронзительное полотно Моисеенко ощущается как «Снятие с креста», символизирует природно правдивое, духовное слияние поэта и вынесшего его к вечной славе народа, хранящего о нем всегда живую память.

Поэт, гений которого «с одного взгляда открывал истину», чудодейственно, на века вперед одарил русских и всех, кому дано приникнуть и проникнуться гармонией красоты и трагизма пушкинского жизнелюбия (неразделимы здесь «жизнь» и «творчество», слившиеся в миг его кончины уже навсегда), — Пушкин одарил всех реальным ощущением сопричастности истине.

Сопричастность Пушкину и есть сопричастность истине как идеальной категории и высшей цели нашего повседневного существования. Сопричастность Пушкину — это ощущение сопричастности Пушкина, ведомое едва ли не каждому читающему русскому человеку.

«Сопричастность Пушкина не оставляет меня ни днем, ни ночью... Когда он вошел в меня, когда я узнал и полюбил его? Но когда вошла в меня Россия? Когда я узнал и полюбил ее небо, воздух, солнце, родных, близких? Ведь он со мной — и так особенно — с самого начала моей жизни...»

Это Иван Бунин, для которого Пушкин — «воплощение простоты, благородства, свободы, здоровья, ума, такта, меры, вкуса».

А вот — Федор Достоевский, размышляющий в «Дневнике писателя» о глубоком зорливом и гениальном уме и чисто русском сердце Пушкина, указавшего обществу путь обновления — присоединиться к правде народной: «...Он первый дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретающейся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отсылаемые... Земля наша, может быть, в конце концов скажет новое

слово миру... Русская душа, гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снисходящего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском?»

Мысли Достоевского, вдохновленные Пушкиным, его выводы из Пушкина, исторически значимые в своей художественной и духовной пронзительности и пронизывающей времени перспективе, оказываются сегодня актуальными для всех, кто отважился «у бедны мрачной на краю» (строка Пушкина) торить тропу нового политического мышления, тропу спасения людей во взаимопонимании и всепримирении. И, думается, не случайно именно об этом напомнил Михаил Сергеевич Горбачев, беседуя с трудами в поездке по Краснодарскому и Ставропольскому краям в сентябре 1986 года.

«Утверждают, — сказал тогда он, — что Советский Союз угрожает покорить весь мир, стремится к военному превосходству... Нарисовали... образ... «русского медведя», «русского агрессора». Я смотрю на вас: неужели все мы производим такое впечатление, и я, и вы, все поколения наши, которые создали все, что есть в нашей стране? Мы гордимся нашей страной. Столько мы сил положили и жизнью отдали! Неужели мы замыслили такие коварные планы в отношении к другим народам?»

И далее Михаил Сергеевич вспомнил Достоевского, его идущую от Пушкина мысль о важнейшей черте русского национального характера: «Он писал, что может быть, русское сердце — а я бы сказал теперь советского народа — больше всего открыто для братства и единения».

«Духовной жаждою томим», — духовною, а не какою-либо иной, прошел свой 37-летний земной путь Александр Сергеевич Пушкин. Этой духовною жаждой он одарил всех своих читателей, весь свой народ, которому он, и через полтора века после гибели своей, «любезен» (употребим это пушкинское слово), дорог, необходим.

«И долг буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал».

В этих вещих строках мораль Пушкина — пророка трагической гармонии все еще загадочной для мира русской души, чистой и открытой.

Воспетое Пушкиным «грядущего волнующее море» бесконечно притягивает нас. Это

Грядущее внушает нам сегодня и чувство вины перед ним, и чувство бесконечной ответственности. И мы готовы вновь повторить вслед за нашим бессмертным поэтом: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

маниакальной решимости уничтожить живую душу всего сущего. Сальеризм, пушкински понимаемый, опутал сетями своего бездуховного «мастерства» уже едва ли не все сферы обитания души человеческой. И снова мы ищем спасение в поэзии Пушкина.

Гибель Пушкина отняла у нас, русских, нечто такое,

ный критик XIX века Аполлон Григорьев афористически выразил всенародное отношение к Пушкину, сказав: «Пушкин — это наше все».

С этим немеркнущим образом, с чувством «Пушкин — это наше все», входим мы в Год Пушкина, ибо именно к нам приблизил его, еще при жизни поэта, Николай Васильевич Гоголь, соратник и

совершенно русская... Произведения его имели чудную, магическую силу... Тут все: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объемлющая священный холодом вдохновения читателя... Здесь нет крашоречия, здесь одна поэзия: никакого наружного блеска, все просто, все прилично, все лаконизм, каким всегда бы.

ЕЩЕ ОДИН ОТКЛИК НА СУДЬБУ ДЕКАБРИСТОВ?

В связи со 150-летием со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина мне хочется напомнить читателям об одном эпизоде творческой разработки великим русским поэтом новгородской тематики. Хорошо известно, что, как и поэты-декабристы, Пушкин использовал легенды и факты далекого прошлого и современной ему новгородской действительности для выражения своих политических взглядов. Они были близки воззрениям декабристов, хотя и не совпадали с ними.

В свое время я с большим интересом прочел в книге «Литературное наследие декабристов» (издательство «Наука», Ленинград, 1975) статью Т. Г. Цыжовской «Отклики на судьбу декабристов в творчестве Пушкина». Здесь были учтены многие графические и стихотворные отклики и напоминания о судьбах участников восстания 14 декабря 1825 года.

Занимаясь изучением темы «Новгород в поэзии декабристов и Пушкина», я обратил внимание на следующее обстоятельство. В 1827 году поэт написал свое знаменитое послание «В Сибирь», вселившее в души декабристов надежду на то, что их «скорбный труд не пропадет». Именно о таком восприятии послания теми, кто томился «во глубине сибирских руд», свидетельствовал стихотворный ответ А. И. Одоевского, известная строка которого «Из искры возгорится пламя» стала эпиграфом ленинской «Искры». Размноженные рукописно, оба послания напоминали передовым людям России о «воинах-сподвижниках», как назвал их Герцен, чей подвиг призван был разбудить молодое поколение для продолжения борьбы против самодержавно-крепостнического строя.

Но Пушкину хотелось во всеуслышание, печатно выразить сочувствие судьбе декабристов и свою верность идеалам друзей. И когда ему не удалось сразу же опубликовать написанное в год восстания аллегорическое стихотворение «Арион» (оно увидело свет лишь в 1830 году), в котором певец после своего чудесного спасения заявлял: «Я гимны прежние пою», — Пушкин предпринял другую попытку открытого отклика на судьбу декабристов, на сей раз вполне удавшуюся.

«Еще в 1822 году, отзвываясь на призыв «первого декабриста» Владимира Раевского «воззвать из мрака... те священные имена, когда гремело наше вече», Пушкин задумал написать поэму «Вадим» — о легендарном новгородском республиканце, борце против Юрия. Однако этот замысел не был полностью реализован. В дошедшем до нас отрывке поэмы изгнанник Вадим изображен на утлом берегу Варяжского моря. Он предаётся воспоминаниям о Великом Новгороде, о своей погибшей возлюбленной, о славной борьбе за вольность:

«Пред ним славянская дружина:
Он узнает ее шиты,
Он снова простирал руки
Товарищам минувших лет,
Забывшим в долги дни

разлуки,
Которых уже в мире нет...»
Царская цензура не уловила скрытого смысла отрывка. И Пушкин сумел дважды напечатать в разных изданиях в 1827 году «Отрывок из неоконченной поэмы (писано в 1822 году)», а затем включил его в том сочинений, вышедший в свет в 1829 году.

Мне кажется, настойчивые публикации «Отрывка» вызваны заложенным автором в его текст сочувственным откликом на судьбу друзей-декабристов, из которых одни, подобно Вадиму, стали изгнанниками, а другие «уже в мире нет».

В новое время будущие декабристы тоже входили в «славянскую дружину» и сражались за свободу Отчизны. А чтобы отвести внимание цензуры от подобных ассоциаций, Пушкин пометил в скобках дату создания отрывка — 1822 год, то есть задолго до выступления друзей на Сенатской площади.

Всем читателям было хорошо известно, что декабристы и Пушкин считали себя преемниками вольнолюбивых предков, к числу которых относился легендарный Вадим Новгородский. Так что публикацию «Отрывка из неоконченной поэмы», думаю, следует приобщить к давно уже известным откликам А. С. Пушкина на судьбу декабристов, к сочувственным напоминаниям о них русскому обществу.

Л. ФРУМКИН,
краевед.
Боровичи.

ПО ПУШКИНСКИМ МЕСТАМ

МОСКВА была родиной А. С. Пушкина. В современной Москве «помнят» о поэте многие здания, улицы и бульвары. «Пушкинская тропа» — популярнейший из туристских маршрутов и для жителей столицы, и для многих ее гостей. «У Харитоньев в переулке» прошли первые годы детства А. С. Пушкина. В конце 1801 года Пушкины переехали во флигель дома, принадлежавшего князю Н. Б. Юсупову, знатному екатерининскому вельможе. Здание сохранилось в перестроенном виде, но и сегодня выглядит весьма живописно. Владение Н. Б. Юсупова было огромным, позади каменных хором расположились два небольших деревянных фли-

гелей. В одном из них, предположительно, и снимали квартиру Пушкины. Напротив дома Юсупова находился принадлежащий ему обширный сад. В этот сад в течение нескольких лет ходил гулять с няней маленький Саша Пушкин. В плане пушкинской автобиографии «Юсупов сад» упоминается как одно из незабываемых впечатлений.

НА СНИМКАХ: палаты Н. Б. Юсупова в Б. Харитоньевском переулке; мельница у села Михайловское близ усадьбы поэта; «А. С. Пушкин» — портрет народного художника РСФСР П. П. Оссовского.

Фотохроника ТАСС.

ученных Пушкина, гений русский и всемирный. «Пушкин — писал он, — есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет... Самая его жизнь

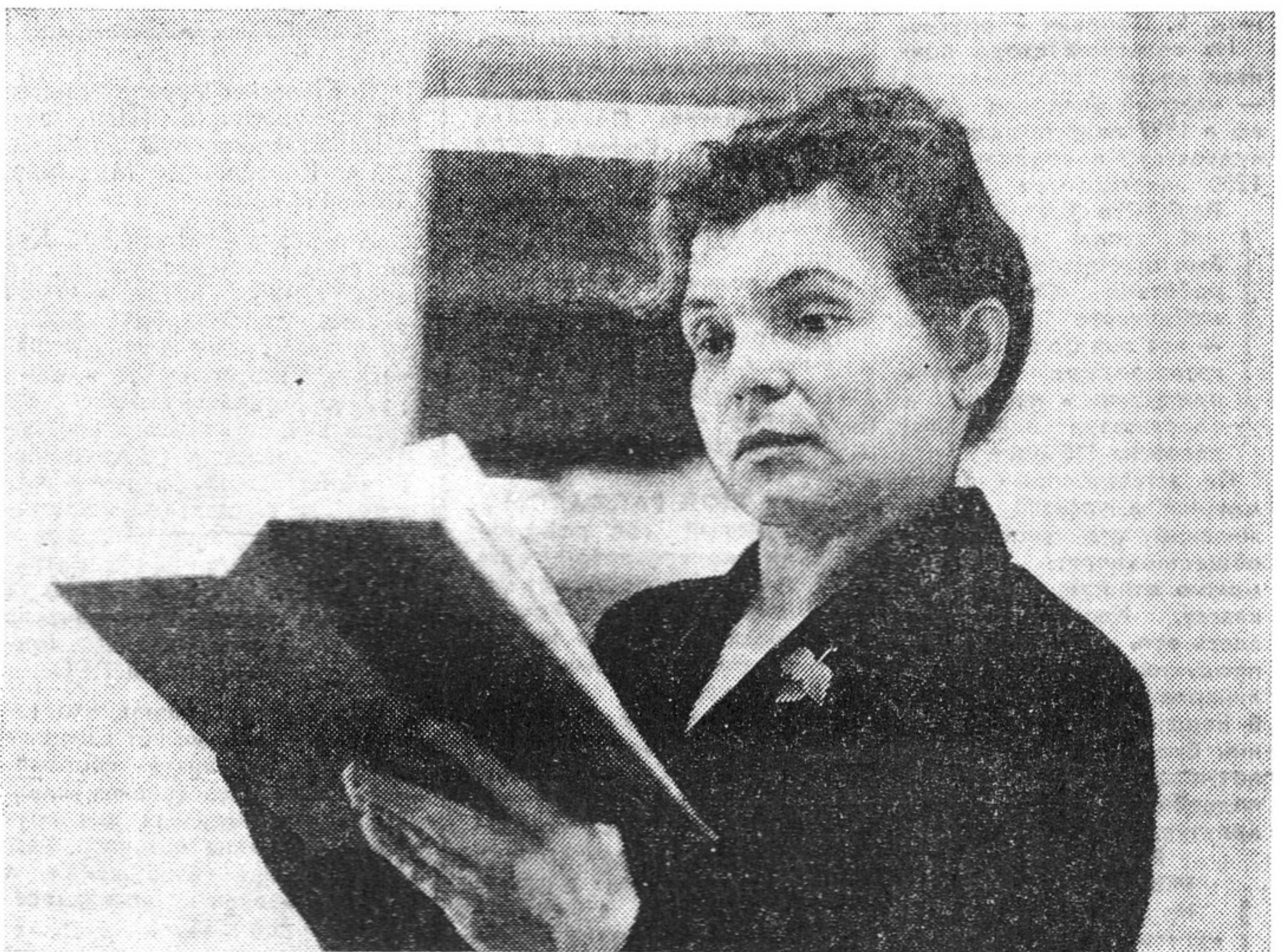
ваит чистая поэзия. Слов много, но они так точны, что обозначают все. В каждом слове — бездна пространства, каждое слово необъятно, как поэт»...

А. ЗОЛОТОВ,
политический
обозреватель АПН.

САМЫЙ ЧИТАЕМЫЙ

УЛАН-БАТОР. 9 февраля. Корр. ТАСС В. Ионов передает: Одним из самых читаемых поэтов в Монголии является А. С. Пушкин. Это с удовольствием подчеркнул председатель правления Союза монгольских писателей Д. Цэдэв, выступив на состоявшемся в Улан-Баторе Дне поэзии Пушкина. Стихи великого поэта на русском и монгольском языках звучали под сводами большого зала Дома мира и дружбы в

исполнении не только профессиональных чтецов и поэтов-переводчиков, их читали школьники и студенты.
Ныне на монгольский язык переведены «Евгений Онегин» и «Полтава», «Медный всадник», «Повести Белкина», сотни стихотворений А. С. Пушкина. В МНР многократно издавались сказки, вышли несколько сборников лирики. А недавно читатели получили двухтомник поэзии и прозы.

* Человек после смены ВЕЧЕР В РАБОЧЕМ ОБЩЕЖИТИИ

...Зажгли свечи, и вмиг комната в рабочем общежитии на Советской, 3 преобразилась. Молодые рабочие треста № 48 «Новгородстрой» и других промышленных предприятий, учащиеся СПТУ № 1, будущие строители, гости собрались на литературно-музыкальный вечер, посвященный 150-летию со дня гибели А. С. Пушкина. Его подготовили энтузиасты любительского объединения «Родник», действующего при общежитии уже несколько лет.

Заведующая библиотекой профсоюзного комитета треста № 48 «Новгородстрой» Н. Ф. Филиппова словно перелистала страницы жизни великого поэта. Его творчество всегда будет волновать и казаться новым, личным для каждого из нас открытием. «Время не властно над Пушкиным» — эту мысль Нина Федоровна выразила образно и эмоционально ярко.

За многолетнюю плодотворную работу Нине Федоровне именно в этот день Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за заслуги в области советской культуры и многолетнюю плодотворную работу присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Радостно сознавать, что чистый родник пушкинской поэзии открывают люди с чистым сердцем, сами духовно богатые, яркие как личность. О духовном влиянии Пушкина говорилось немало. Испытал его на протяжении всей жизни инженер М. Г. Филиппов.

— Если вы хотите чего-то добиться значительного в жизни, прекрасного, — сказал, обращаясь к молодежи, Михаил Григорьевич, — помните пушкинское напоминание, что служенье муз не терпит суеты.

...А затем зазвучала музыка стихов. Отрывки из любимых произведений прочитали школьницы Юлия Текунёва и Елена Рафеенко.

Камерная обстановка создавала впечатление раскованности, давала возможность импровизации, рождала особое настроение. Художественный руководитель Г. Н. Голикова была на вечере и аккомпаниатором, и исполнителем старин-

ных русских романсов. Ее манера отличало глубокое проникновение в музыкальное произведение, сокровенность интонации.

Галина Николаевна аккомпанировала, а сидящие за столиками вместе с гостями участники художественной самодеятельности брали в руки микрофон. Тепло и задумчиво пели романсы Ольга Ермилова, Людмила Рыченкова, Софья Денисова. Особой выразительностью отличалось исполнение Алексея Иванова, рабочего одного из промышленных предприятий Новгорода. Его творческая дружба с Г. Н. Голиковой насчитывает ни много, ни мало 17 (!) лет. Алексей занимается вокалом с детства.

Общими усилиями тех, кто любит поэзию и музыку, был открыт мир прекрасного, составляющий о многом задуматься. Об этом и сказала воспитатель общежития В. Н. Текунева:

— На мой взгляд, одностороннее увлечение современной молодежью эстрадой — опасно. Этот крен надо выравнивать, пропагандируя вечера иного плана. На счету «Родника» вечер, посвященный творчеству С. Есенина, был вечер, следующий самодеятельные песни... и т. д. Они дают возможность общения. Сама обстановка к этому располагает. Одно дело, когда звучат стихи и песни в исполнении известных мастеров сцены, другое — поет подруга по бригаде...

Наверное и поэтому приглашенные билеты на вечера идут нарасхват. Наташа Иванова, Мария Конева, Надежда Васильева, Марина Кузнецова пришли вместе. И сели за один столик. Они — штукатуры из бригады А. С. Прокофьевой СУ № 230 треста № 48 «Новгородстрой». «Хороший вечер», — искренне заключила Наташа Иванова. Такое мнение и ее подруг

Л. МИХАЙЛОВА.

□
НА СНИМКЕ: заведующая библиотекой профкома треста № 48 «Новгородстрой», заслуженный работник культуры РСФСР Н. Ф. Филиппова.
Фото В. Кузьмина.

С ЕГО СТИХОМ ПО ЖИЗНИ

Хочу немного сказать о том, что дал Пушкин мне, какую роль сыграли его произведения в моей жизни.

Читать я научился дома, когда мне было шесть лет. Начал не с букваря. Первая книга, которую я прочел и много раз перечитывал, — это «Евгений Онегин». В объемистом томе, выпущенном издательством Сытина, были также «Медный всадник», «Руслан и Людмила», «Полтава» и множество других произведений, но именно «Евгений Онегин» привлек мое внимание, хотя в любовных коллизиях, я, конечно, тогда не разбирался.

С Пушкиным я не расставался никогда.

...Великая Отечественная война. Блокада Ленинграда. Узкие траншеи у Колпина. Несколько сотен метров отделяют нас от вражеских траншей. Минометные обстрелы. Голодные пайки. Для стихов, кажется, время самое неподходящее. А в голову лезут строчки из «Евгения Онегина» про привычки милой старины и русские блины...

Будучи раненым, я в госпитале просил наших шефов принести книги Пушкина. Лежа под наркозом на операционном столе, оказывается, во время операции декламировал сон Татьяны из того же «Онегина».

Лежу на койке в палате. Уже отходит действие наркоза, сам слышу свои слова: «И Таня в ужасе проснулась...». Врач (женщина) хлещет меня ладонью по щекам и приговаривает: «Хватит, хватит, проснитесь!» А я все не могу остановиться.

Очнулся. Врач говорит:

— Не знала, что у меня такой культурный больной. Обычно под наркозом страшно ругаются, а вы, надо же, — «Евгений Онегин»!

Потом она сказала, что тоже очень любит это произведение, как и все стихи Пушкина.

Да будет мне позволено закончить эти заметки несколькими стихотворными строчками:

Нам солнце пушкинское
светит.
Века, века ему светить.
На нашей обжитой планете
Он жил, живет, да будет жить!
Р. КОГАН,
ветеран Великой
Отечественной войны.
Шимск.

*** Вы просили рассказать**

ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК

В нынешнем году у нас в стране широко отмечался день памяти Александра Сергеевича Пушкина. Хотелось бы узнать, какие существуют традиции пушкинских праздников в нашем городе?

А. ШАГИН.

Новгород.

1899 год стал знаменательным для культурной жизни России — исполнялось 100 лет со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина. Участие в праздновании этой исторической даты приняли и новгородцы.

Всю подготовку праздника и его проведение возглавила юбилейная комиссия. Она разработала предварительный план торжеств, который был представлен на утверждение городской думе. В программу праздника 26 мая (старого стиля) входили литературные вечера и чтения. Ученики городских училищ собирались в Клубе соединенных обществ, ученики средних учебных заведений — в зале мужской гим-

назии.

На следующий день в те же часы и в тех же местах собрания продолжились. На сей раз они сопровождались «туманными картинками», так прежде называлась демонстрация изображений с помощью фонаря, напоминающего нынешний фильмоскоп. Это были иллюстрации к «Полтаве» и «Сказке о рыбаке и рыбке».

В программу Пушкинского праздника были включены и спектакли городского театра. Учащиеся посмотрели инсценировки нескольких произведений Пушкина.

Накануне праздника в управу стали поступать заявки от директоров и учителей училищ на сочинения и портреты

А. С. Пушкина. Например, 24 мая учитель 2-го городского приходского училища писал: «Прошу отпустить с подавательницей сего сочинения и портреты А. С. Пушкина». Указывалось и количество: сказок — 35 экз., портретов — 35 экз., полных собраний сочинений — 6 комплектов, сборников, составленных Булавиным, — 39... Заявка городского училища была более внушительна — по 100 экземпляров указанных изданий.

При знакомстве с документами по празднованию в Новгороде 100-летнего юбилея А. С. Пушкина скоро замечаешь, что было оно рассчитано на очень узкий круг, в первую очередь, на учащихся гимназий и училищ. Не обнаружено никаких упоминаний о лекциях, вечерах для горожан.

И. САВИНОВА,
член Союза
журналистов СССР.

«Спутники Пушкина»

(Новая выставка в музее)

В выставочных залах Ярославова Дворища открыта выставка «Спутники Пушкина», подготовленная Государственным музеем А. С. Пушкина в Москве.

Московский музей Пушкина сравнительно молод. Он недавно отметил свое тридцатилетие. Заслуженного признания удостоилась новаторская экспозиционная деятельность музея, активная собирательская работа по формированию московской пушкинской коллекции.

Музей Пушкина в Москве стал в полном смысле «народным». Основу его составили ценнейшие дары, переданные музеем в знак памяти величайшего национального гения нашими современниками. Для многих москвичей и гостей города он превратился в своеобразный пушкинский клуб, место общения с видными учеными, литераторами, артистами.

Стремясь к широкой популяризации своих обширных фондов, Государственный музей А. С. Пушкина не ограничивается деятельностью лишь в собственных стенах. Организованные музеем выставки демонстрировались во многих советских и зарубежных городах.

Новгородским зрителям, мы надеемся, будет интересно познакомиться с ценными гравюрами и литографиями из собрания музея, представленными на выставке «Спутники Пушкина».

Кто же они — спутники Пушкина?

Перед нами портреты — прижизненные изображения лицейских друзей поэта, лицестов первого выпуска: И. Пушкина, А. Дельвига, В. Кюхельбекера.

«Лицейское братство», основанное не только на душевной привязанности, но верности общим идеалам, осветило всю жизнь Пушкина.

...но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз
твой заключен;

Пред грозным временем,
пред грозными судьбами,

О милый, вечен он!

Так писал поэт в альбом Ивану Пущину. Различна, по-

своему трагична судьба изображенных на портретах лицестов: безвременно рано умирает талантливый поэт, издатель «Литературной газеты» Антон Дельвиг. Его смерть Пушкин оплакивал до конца жизни. С Пушиным и Кюхельбекером разлучит поэта сибирская каторга, куда последуют его друзья как участники восстания декабристов. Но вопреки всему сердечная привязанность сохранится, они останутся спутниками, и в очередную лицейскую годовщину 19 октября 1827 года Пушкин напишет:

Бог помочь вам,
друзья мои,
И в бурях, и в житейском
горе,
В краю чужом,
в пустынном море
И в мрачных пропастях
земли!

Спутниками Пушкина, его духовными наставниками и соратниками были крупнейшие представители отечественной и европейской словесности, сочинения которых питали его творчество. Круг литературных интересов и увлечений поэта чрезвычайно широк. Представленные на выставке портреты великих классиков: Овидия, Данте, Шекспира указывают на то, что Пушкин выступил продолжателем мировой культурной традиции. С пристальным вниманием следил поэт за новинками современной ему западноевропейской литературы. Среди читаемых им авторов — патриарх немецкой поэзии Гете, «властитель дум и чувств» романтический Байрон, знаменитости французской драматургии — Корнель, Расин, Мольер. Гравированные портреты этих и других зарубежных литераторов позволят посетителям выставки судить о достижениях европейского граверного искусства XVII—XIX вв.

Неоценимую роль в жизни и творчестве Пушкина играли старшие современники — поэты, мыслители, общественные деятели: В. Жуковский, Н. Карамзин, Г. Державин, И. Крылов... «Без Жуковского мы не имели бы Пушкина», — справедливо заметил В. Белинский.

Рядом с портретами учите-

лей Пушкина в литературе на выставке экспонируется широкий ряд портретов поэтов пушкинской плеяды, представителей «золотого века» русской поэзии: П. Вяземского, И. Козлова, Д. Давыдова, Н. Языкова, Е. Баратынского.

Нам кажется, что внимание зрителей на выставке привлекают женские портреты. Литографированный портрет Н. Н. Гончаровой сделан по акварельному оригиналу А. Брюллова. Облик прелестной молодой женщины соответствует на портрете высокому пониманию женской красоты, выраженному в стихотворении «Мадонна».

Московский музей Пушкина представляет возможность новгородским зрителям увидеть ряд прижизненных гравированных портретов самого поэта.

Юным романтическим, устремленным в будущее предстал Пушкин перед читающей публикой на гравюре Е. Гейтмана. Самым похожим изображением поэта стал, по мнению некоторых его современников, портрет Н. Уткина по оригиналу О. Кипренского. Мудрым мыслителем изобразил Пушкина в последний год его жизни английский художник Т. Райт. Как различен поэт на этих портретах!

Приглашаем вас посетить открывшуюся выставку, всмотреться в лица людей, ставших спутниками поэта в его трудной, изменчивой судьбе.

Приглашаем вас еще раз внимательно всмотреться в лицо Пушкина и вспомнить сказанное М. Цветаевой: «Есть три Пушкина: Пушкин — очами любящих (друзей, женщин, стихолобов, студенчества). Пушкин — очами любопытствующих (всех тех, последнюю сплетню о нем ловивших едва ли не жаднее, чем его последний стих), Пушкин — очами судящих... и, наконец, Пушкин — очами будущего — нас».

Ведь мы с вами тоже — спутники Пушкина.

З. БОНАМИ,
зав. сектором
передвижных выставок
Государственного музея
А. С. Пушкина.

Москва.